

Я родился в 1961 году в Москве. Родители: папа — военный, мама — учительница русского языка и литературы. Совсем как в поговорке: «Лучший брак в СССР — педагог и офицер». Все так и было. Еще с раннего детства, до школы, сразу после того как перестал хотеть быть продавцом мороженого и космонавтом (в 1961 году Юрий Гагарин полетел в космос), уже знал, что буду врачом. Это было еще до поступления в школу. Откуда взялась такая уверенность, не знаю. Но знал твердо. Возможно, сыграли роль два стационарных лечения в больнице — одно с оперативным удалением аппендикса, а второе — удаление небных миндалин.

Поэтому уже с третьего класса я участвовал в такой форме медицинского обучения, как «школьный санпост». Медицинские сестры обучали несколько учеников навыкам оказания первой медицинской помощи в случаях травм, кровотечений и т. д. А в восьмом классе в УПК (учебно-производственный комбинат — была такая форма первичной профессиональной подготовки в школах) я пошел учиться на младшего медбрата. И в десятом классе получил корочку о своем первом медицинском образовании.

Собирался поступать в Московский первый медицинский институт, но судьба подготовила подарок. В начале десятого класса приехал в первый отпуск знакомый парень, поступивший в военное училище

в Благовещенске. И, будучи у меня в гостях, спросил, куда я собираюсь поступать после школы. Я поделился с ним своими планами. Но он предложил поступать в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Я тогда и не слышал о такой. И даже не догадывался, что врачи бывают не только гражданские, но и военные. Этот парень принес мне журнал «Здоровье», на обложке которого была фотография офицеров-медиков, шагающих строем перед главным корпусом Военно-медицинской академии. Здесь же была небольшая статья об этом старейшем медицинском учреждении страны.

Конечно же, стать военным медиком, а не просто врачом, было для меня намного привлекательнее, так как отец был военным. Поэтому при постановке на воинский учет в военкомате, когда нас построил майор и спросил, нет ли желающих поступить в военные училища, я вышел вперед и сказал, что хочу поступить в Военно-медицинскую академию. Она тогда была только одна — в Ленинграде. Майор быстро оформил на меня документы, которые военкомат послал в академию, помог пройти врачей и сказал, чтоб я ждал, когда придет вызов.

За несколько дней до школьного выпускного бала пришла повестка из военкомата прийти за направлением на поступление в академию. На следующий день, после выпускного, я сел в поезд, идущий из Москвы в Ленинград, и поехал поступать в академию.

Поскольку ничего случайного не бывает, как я понял уже много позже, Высшим силам надо было, чтобы я получил очень хорошее медицинское образование, и я, несмотря ни на что, поступил в академию. Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова была на то время лучшим медицинским учреждением страны. Конкурировать с ней мог только Первый московский медицинский институт. Тогда мне показалось, что поступить в академию было легко. Как потом уже понял, это было просто чудо! Я набрал минимальный проходной балл и прошел мандатную комиссию. И все это — не имея блата! Но тогда это чудо было принято совершенно естественно, я даже не представлял, что буду делать, если не поступлю. Даже мыслей таких в голову не приходило. Я выбрал для обучения авиационный факультет.

И начались курсантские будни. На первом курсе мы жили в казарме, со второго – в общежитии по четыре человека в комнате. По тем временам это были просто шикарные условия! Но, естественно, закрытый режим, везде строем, выход в город только по увольнительной от начальника курса и возвращение к отбою.

День начинался с зарядки, потом — помыться и строем в столовую. После завтрака строем на кафедру на практические занятия или лекции. Потом обед, полчаса отдыха и самоподготовка в казарме. 45 минут сидишь в классе, выйти не можешь, должен

читать учебники и выполнять заданное на дом. И так до ужина. После ужина полтора часа свободного времени, чтобы почистить сапоги, перешить подворотничок, подготовить все к завтрашнему дню. И отбой! Спать.

Физической подготовке в академии уделялось особое внимание. Мы шутили, что у нас не военно-медицинская, а военно-спортивная академия. Вплоть до шестого курса бегали трехкилометровые кроссы.

После первого семестра, перед сессией, нас построил начальник курса и сказал, что тот, кто не сможет к окончанию сессии сделать подъем переворотом 10 раз подряд, в отпуск не поедет, останется на курсе. Вот это был стимул! Выполнили все, кроме одного — высокого, почти двухметрового, парня, худого и длинного. Но поскольку он сдал сессию на отлично, начальник курса пощадил его и тоже отпустил домой.

Вот так прошли, практически мгновенно пролетели, шесть лет обучения в академии. За это время я успел жениться, обзавестись дочкой. Окончил факультет подготовки врачей для авиации и космонавтики. И по распределению попал в Иркутскую область, в гарнизон «Белая», на должность врача полка дальней авиации.

И опять Высшие силы напомнили о себе: почти сразу после выпуска (всего через четыре месяца)

командование направило на специализацию — в интернатуру на полгода. Дело в том, что в то время врачи выпускались из учебных заведений без специализации. И Военно-медицинская академия не была исключением. У меня в дипломе написано: «специальность: лечебно-профилактическое дело». Поэтому огромное количество военных врачей служило вообще без конкретной медицинской специализации, и это не мешало им дослужиться до капитанов и майоров.

Вообще, подготовка военных медиков в основном идет по принципу «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Это нужно для того, чтобы врач, попав служить в отдаленный район, мог лечить не только солдат и офицеров, но и женщин и детей. Ведь зачастую от гарнизона до ближайшей больницы или поликлиники не одна сотня километров. Поэтому в академии будущих военных врачей прямо-таки натаскивают по всем специальностям. Выпускник может и зуб вырвать, и ребенка осмотреть, назначить лечение, и роды принять, и какую-то небольшую операцию сделать. Все должен уметь. Причем дается не просто теоретическое знание, а конкретные практические навыки.

Приехав в гарнизон в конце августа, я сразу после Нового года попал на кафедру нервных болезней, специализация неврология, Иркутского медицин-

ского института. Все-таки я не просто так говорил, что Высшие силы задумали дать мне наилучшее из возможных медицинское образование. В то время на кафедре нервных болезней было аж целых два профессора. Один, как обычно, — заведующий кафедрой, а второй профессор-консультант — уникальная личность — Хаим Бер Гершенович Ходос. В течение более чем полувека он был главным невропатологом Советского Союза! В нашей стране все учебники по нервным болезням издавались с его авторством или под его редакцией! Он был почетным гражданином города Иркутска и жил там. После выхода на пенсию для него специально ввели должность профессора-консультанта на кафедре нервных болезней ИГМИ.

И этот удивительный врач каждый рабочий день в течение месяца читал двухчасовые лекции для нас, четырех военных врачей! А было ему в то время 93 года. Он приглашал нас к себе в кабинет и рассказывал о неврологии, о том, как все устроено в человеческом теле, о нервных заболеваниях. Естественно, мы слушали его открыв рот!

Еженедельно в клинике проводился профессорский обход больных. И два профессора совместно консультировали всех пациентов клиники. В палату заходили все ординаторы, мы — военные врачи, заведующая отделением, профессора, и лечащий врач

докладывала о каждом пациенте. Поскольку тогда не было таких современных методов обследования, как КТ (компьютерная томография) и МРТ (магнитно-резонансная томография), вся диагностика строилась на рентгене и ЭЭГ (электроэнцефалографии) головного мозга. А главным была клиническая картина, симптоматика заболевания. И заслуженные профессора соревновались между собой в более правильной постановке топического диагноза. Топика в медицине — местоположение очага повреждения или болезни, в том числе нервной системы. Головной и спинной мозг устроены так, что смещение очага поражения всего на полсантиметра меняет клиническую картину заболевания в корне. Для того чтобы поставить правильный топический диагноз, надо не только держать в голове огромный клинический материал, но и иметь богатейший опыт, которым оба профессора располагали в полной мере. И мы слушали их раскрыв рты, ловили каждое их слово! Для нас это были заоблачные авторитеты, гранды в неврологии. Собственно, так это и было на самом деле, лучше них никто не знал неврологию!

Через месяц, по окончании теоретического курса неврологии, нас начали допускать к больным, стали давать читать их истории болезни. И однажды, мне до сих пор за это стыдно, прочитав очередную историю болезни, я прямо в палате расхохотался. Прямо перед

пациентами. А смеялся потому, что увидел: независимо от диагноза — топического или нозологического (то есть вообще при любом заболевании) — лечение ВСЕХ пациентов проводилось одними и теми же десятью препаратами! Спрашивается, какая разница, какой диагноз у больного, если лечение все равно одно и то же! Именно это наблюдение вызвало у меня взрыв хохота. Эту нелепицу и несуразицу я тогда отнес только к неврологии. Только много позже я понял, что неврология не является исключением. Вся медицина настолько нелепа и несуразна, что говорить о возможности вылечить людей с помощью этой науки (во всяком случае, в том виде, в котором ее преподают врачам), просто не приходится. А тогда это было мое первое прозрение, когда я понял, что лечить медицина никого не собирается.

Вот с этого началось мое желание истинного познания человеческого тела и возможностей его исцеления.

Служба в гарнизоне «Белая» вспоминается как самое сложное время во всей моей жизни. Во время учебы нам привили такую любовь к Военно-медицинской академии, что каждый из нас мечтал и стремился попасть в академию обратно, на первый факультет (подготовки командных кадров), или в ординатуру, или адъюнктуру. Но это было возможно не ранее, чем через два года после окончания академии.

И все эти годы прошли в ожидании, когда наконец-то можно будет это сделать! Но не тут-то было. При первой моей попытке начмед дивизии придержал мой рапорт о поступлении и во второй раз тоже сделал все, чтобы не пустить меня в академию. Честно говоря, и шансов поступить было очень мало. Ведь в академию без блата было не пролезть. Тогда я это уже понял.

Желание покинуть гарнизон было так велико, что уже просто невтерпех было там находиться. И я решил, что придется «дурковать», чтобы уволиться из армии. В то время контрактной системы не было, и покинуть армию можно было только по болезни. Поскольку я был молодой и здоровый, то оставался единственный выход — прикинуться психически больным. Я побрился налысо и собрался уже вставлять в ухо серьгу... Но тут, как всегда, вмешались Высшие силы. Позвонил из Иркутска начмед армии и предложил перейти на должность врача-спасателя в поисково-спасательную эскадрилью в Иркутске. Дело в том, что, еще будучи врачом полка, я начал прыгать с парашютом — сначала захотелось попробовать, каково это, а потом втянулся. К этому времени у меня было уже более 70 парашютных прыжков. В Иркутске уволился врач-спасатель, который обязан был уметь прыгать с парашютом. Оставлять такую должность без сотрудника было невозможно, ведь, не дай Бог,

что случись... А спасать некому. Во всей воздушной армии, кроме меня, не оказалось «прыгающих» врачей, это и помогло мне перевестись в Иркутск.

Первые несколько месяцев в Иркутске я не мог понять, служу я вообще или нет. Дело в том, что у спасателей суточные дежурства. Сутки сидишь на посту в полной готовности. То есть спасательный борт должен быть готов взлететь в течение пяти минут. Если ничего во время дежурства не происходит, делать в это время абсолютно нечего. Можно загорать, читать, чем угодно заниматься, только быть на месте в состоянии готовности к взлету и поиску пропавшего экипажа. А потом приходишь домой и двое суток дома отдыхаешь, тебя никуда не привлекают. Для спасателей не существует никаких построений, никаких полковых мероприятий, они обязаны постоянно быть готовыми нести службу. Я даже командира полка впервые увидел лишь на втором месяце службы. Единственное, что существует, кроме суточных дежурств, — тренировочные парашютные прыжки, один-два раза в неделю. Они занимают полдня. А все остальное время свободен — делаешь, что хочешь.

От нечего делать я даже поступил в лингвистический университет в Иркутске. Благо надо было сдать лишь один экзамен — английский язык. Поскольку в школе родители устроили меня на курсы англий-

ского языка, я серьезно занимался четыре года по два раза в неделю и легко сдал этот экзамен на отлично, поступив в ИГЛУ, где проучился два года, а потом бросил. Решил, что незачем, нет необходимости.

Высшим силам и этого оказалось мало. Они решили, что мне необходимо набраться опыта еще и в военном госпитале. Да не в каком-нибудь гарнизонном, а в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале! Вернее, его филиале в городе Иркутске, где мне предложили должность старшего ординатора психоневрологического отделения. Если должность врача-спасателя была капитанской, то эта была уже подполковничьей! Карьерный рост был огромный, да и работа в госпитале для врача всегда считалась престижной. Это мечта всех войсковых врачей. Поэтому я согласился с огромным удовольствием.

Начальник отделения, понимая, что клинической практики у меня очень мало, сразу стал меня обучать. Он направил меня в психоневрологическое отделение ЦВНИАГ (Центральный военный научно-исследовательский авиационный госпиталь) в Москве, потом дал поработать месяц в нейрохирургическом отделении Иркутской городской больницы у ведущего нейрохирурга области профессора Благодатского. И еще много чему научил, за что я ему очень благодарен. Вообще, мой начальник отделения — Андрей

Дашиевич Дармаев (кстати, закончивший тот же, что и я, факультет Военно-медицинской академии на семь лет раньше меня) — был очень интересный человек. Он умел быть одновременно и жестким, и мягким. Я считаю его одним из главных своих учителей. До сих пор мы поддерживаем с ним телефонную связь. Он давно на пенсии, но работает врачом-дежурантом в гарнизонном госпитале в Иркутске.

И так служил бы я и служил в авиационном госпитале в Иркутске, но опять вмешались Высшие силы. Пришли смутные времена в нашей стране — СССР распался. Госпиталь закрыли. А меня перед этим пригласили на работу врачом-психоневрологом в медсанчасть города Байкальска с предоставлением квартиры.

Поэтому сразу после увольнения из армии я переехал в маленький городок, стоящий прямо на берегу великолепного озера Байкал. Так началась моя гражданская жизнь. Тогда, в 33 года, было такое ощущение, что на этом активная часть жизни закончилась, теперь можно в свое удовольствие заниматься рыбалкой, ходить в лес за грибами, в общем, быть обычным пенсионером. Но у Высших сил опять-таки были свои взгляды на то, что я должен сделать в этом мире. Поэтому мое обучение продолжилось.

В то время, когда я работал в МСЧ (медсанчасти) Байкальска, в нашей стране появилась страховая